

Сегодня исполняется 75 лет легенде российской журналистики писателю и публицисту Генриху БОРОВИКУ. Накануне юбилея Генрих Аверьянович дал интервью «Тверской, 13» и рассказал о наиболее ярких эпизодах своей богатой творческой биографии.

- Генрих Аверьянович! Известно, что вы еще с 50-х годов были специалистом, как сейчас бы сказали, по «горячим точкам». Что дал вам этот опыт?

- Действительно, работая литературным сотрудником «Огонька», я начал ездить по «горячим точкам». Первая моя командировка в 1954 году была в Венгрию, потом в Польшу и в Китай. Я ездил с фотожурналистом Дмитрием Бальтерманцем. И хотя я умел фотографировать с детства, но тут уже учился мастерству. Он был гениальным учителем. Потом был Вьетнам, французы уже уходили, но дымок от войны еще оставался, и я решил, что туда надо съездить. Следующая поездка - в Бирму, а потом на Суматру, в Индонезию, где уже шли настоящие бои. Там я был единственным иностранным (не говорю, что советским) журналистом, которому разрешили находиться в стране. В той поездке было много и тяжелого, и опасного, как и на каждой войне, большого или малого.

После той командировки в «Огоньке» вышла целая серия моих очерков, я даже написал небольшую повесть. Ее я попросил прочитать Сергея Владимировича Михалкова. Он быстро ее прочел, позвонил и сказал: «Слушай. Никакая это не повесть!». Я сразу скис, выходит, что у меня ничего не получилось. Но он тут же добавил: «Это готовая пьеса. Ее только надо переписать - слева добавить, кто говорит, справа - что, а посередине - твои комментарии: ушел, пришел, улыбается, сморкается, плачет... И неси в театр!». Я спрашиваю: «В какой?». Он: «В тот, который ближе к дому!». И я понес в Театр на Малой Бронной, который тогда возглавлял Андрей Александрович Гончаров. Я очень благодарен Михалкову за то, что он меня подтолкнул, иначе бы сам никогда на это не решился. А пьесу взяли. Вскоре она под названием «Мятеж неизвестных» пошла. Там играли замечательные актеры - Броневой, Тенин, Волков.

Вдохновленный такой удачей, я собрался было писать пьесы и дальше, но тут произошла революция на Кубе, и я помчался туда. Эта революция меня очаровала. И Фидель Кастро, и Че Гевара, который подарил мне свой берет. Как всякая революция, особенно в начале, она перезаряжает твои аккумуляторы - ты воодушевляешься и веришь в лучшее будущее человечества. Там же, на Кубе, мне повстречалось знакомиться с Эрнестом Хемингуэем. Анастас Иванович Микоян посещал его

с неофициальным визитом и взял меня. Коротко обо всем не расскажешь, но минут через тридцать мы были с Папой (так на Кубе звали писателя) на «ты». Я спросил Хемингуэя, не разрешит ли он мне задать ему два-три вопроса, он ответил: «Хенри! Какие два-три?! Вы же еще здесь остаетесь? Я вас приглашаю на рыбалку, там и поговорим». И мы действительно отправились с ним на рыбалку. А потом Роман Кармен (с которым к тому времени, несмотря на значительную разницу в возрасте, мы стали друзьями) предложил мне сделать с ним фильм о Кубе, и мы создали «Пылающий остров», я был автором сценария.

- Во времена «железнодорожного занавеса» вам довелось работать в США. Каким было ваше открытие Америки?

- В США я уехал в 1966-м и семь лет пробыл там собственным корреспондентом АПН. Это было очень интересное, насыщенное событиями время: война во Вьетнаме, антивоенное движение, борьба за права негров. Так что в те годы Америка тоже в какой-то степени была «горячей точкой». Это вообще была, честно говоря, очень серьезная школа гражданского общества. Я писал очерки, меня печатали в «Огоньке», «Литературной газете», «Правде», «Известиях».

- Как рождались ваши сенсационные материалы?

- Одной из сенсационных встреч, которые у меня проходили в Нью-Йорке, была встреча с главой Временного правительства Александром Федоровичем Керенским. Ему тогда было 87 лет. Я понимал, что если попрошу у Москвы разрешение, то мне его не дадут. Я разыскал номер телефона Керенского и позвонил. Он обрадовался, что кто-то из Советского Союза им заинтересовался, и пригласил в гости. Я взял с собой жену, ей как историку это было интересно, и мы пошли к нему домой. Мы провели у Керенского прекрасные три часа. Он оказался нормальным, порядочным человеком, патриотом России. Но сразу же попросил нас: «Ну скажите там, в Москве, пусть они перестанут писать, что я бежал в женском платье! Не бежал я в женском. Я уезжал в своей одежде. И все мне отдавали честь, даже большевистские солдаты». Я рассказал об этом Бондарчуку, снимавшему тогда фильм «Красные колокола». Так у него Керенский уезжал из Зимнего в своем френче. Историческая справедливость восторжествовала.

В конце 70-х годов я по-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ехал в Никарагуа. Точнее, в Коста-Рику, потому что в Никарагуа еще правил диктатор Сомоса. Но я узнал, что на границе Коста-Рики и Никарагуа расположен партизанский лагерь сандинистов, в котором были люди разных национальностей, что-то вроде интернациональной бригады. И я ночью с проводником пошел к партизанам, где и пробыл несколько дней. Вернувшись в Москву, написал об этом серию очерков для «Литературной газеты». Они стали сенсацией.

- Генрих Аверьянович! Больших успехов в журналистике достиг и ваш сын. Он был на пике карьеры и общественного признания, когда его жизнь оборвала трагическая гибель. Что для вас было главным в воспитании сына?

- Меня всегда спрашивают, как мне удалось воспитать такого сына, как Артем. И я отвечаю, что вот так и удалось, так и воспитал: я и мои друзья. Когда мы летом жили на снятой даче на Пахре, он видел, кто к нам приходил домой. Мы там жили потому, что в Москве у нас была тесная 16-метровая комната на четверых. Так вот, ребята все время находились рядом с нами. Заходит, например, Константин Симонов и говорит: «Ну, что, старик-Боровик, сколько ты сегодня написал страничек?» Или Роман Кармен, Юрий Нагибин, Михаил Ромм, Зиновий Гердт... Литературно-искусствоведческая энциклопедия. Какие прекрасные люди были! Сережа Антонов (это - «Дело было в Пенькове») жил напротив нас, рассказчик замечательный. Однажды Тёма приходит, ему было лет пять, ест яблоко и произносит: «А почему все говорят, что антоновские яблоки самые лучшие, у Солодаря тоже хорошие».

Потом у меня вышла «Повесть о зеленой ящерице», появились деньги. Я еще у десятирých друзей занял понемногу и купил ту дачу.

А вообще у меня с Артемом очень много совпадений - и трагических, и счастливых.

В 1982 году он, как и я, окончил МГИМО. Так как он хорошо учился, то его распределили по высшему разряду - в МИД. Но он отказался и пошел в журналистику. Когда мне было 27 лет, вышла моя первая книжка в библиотеке «Огонек» под номером 45. Навероятно, но первая книжка Артема тоже вышла в библиотеке «Огонек» под номером 45, и ему тоже было 27 лет. Мы оба ездили по «горячим точкам». Оба были в Афганистане. В общей сложности я там был месяца четыре. И Тёма там был несколько раз. Это было очень большим испытанием и очень большим рынком в его жизни.

Я потом узнал, что Артем побился к начальнику Генштаба маршалу Ахромееву и попросил его дать ему письменное разрешение на участие в боевых действиях. Журналистам такого документа никогда не давали. Но, пользуясь тем, что меня хорошо знали, Тёма на вопрос маршала: «А отец знает?» соврал, что да, конечно же знает. И тогда Ахромеев дал разрешение. Артем и в разведку ходил, и де-

сантировался, и в засаде сидел.

Он первым написал честные очерки об этой войне, о ее бессмысленности. В «Советской России», где он тогда работал, их не напечатали. Зато напечатал «Огонек», главным редактором которого был Коротич. То есть Артем повторял мою биографию. Потом эти очерки перепечатали такие известные зарубежные журналы, как «Лайф», «Шпигель», «Актуэль» и другие.

Однажды Артем пришел ко мне, это еще до Афганистана, и говорит: «Батяня, мне с тобой не повезло». Я спрашиваю: «А что такое?». Он: «Да что бы я ни сделал, куда бы ни поехал, мне говорят, ну, конечно, сын Боровика, перед ним все двери открыты». Я говорю: «Тёма, пройдет время, и будут говорить: смотрите, идет отец Артема Боровика». И так случилось.

А как Артем придумал совершить обмен журналистами! Корреспондент из США будет три недели служить в нашей армии, а он - в американской. Так американец больше пьянствовал и никакой сенсации не произвел, а Тёма произвел. Особенно своим рассказом о том, что если генерал или полковник толстеет больше, чем положено (измеряют его талию), то его увольняют. Чем и назвал огромное количество вра-

гов среди наших генералов. После этих публикаций пошли разговоры о необходимости профессиональной армии.

Более четырех лет назад, 9 марта 2000 года, наша жизнь разломилась надвое: погиб Артем. Казалось, жизнь кончилась, но мы должны жить. С нами дочь Марина, ее муж Дима. Они воспитали прекрасного сына - нашего внука Ивана. Ему 27 лет, он серьезно занимается бизнесом. Да и дочка у меня замечательная, она кандидат филологических наук. Она, так же, как и Тёма, разделяет наши жизненные базовые ценности. С нами - Вероника и ее с Артемом сыновья - наши чудные младшие внуки, частички Артема. Максимилиану - девять лет, он учится в четвертом классе, а Кристиану - шесть, он в первом классе. Они похожи на отца. А Ванька больше, чем они, похож на меня. Кем они станут, сейчас сказать трудно. Но Максик говорит, что будет журналистом. Кристиан же твердит: «А я буду пилотом». Максик ему возражает: «Как это ты будешь пилотом? Папа у нас журналист, дед у нас журналист, мама журналистка...»

Жизнь, как говорится, продолжается. Но уже без Артема, и это - совершенно другая жизнь. Мы создали благотворительный фонд его имени, учредили ежегодную премию, девизом которой стали слова: «Честь. Мужество. Мастерство». Эту премию журналисты называют «премией совести». Высокая оценка. Она для нас значит много. Мы благодарны всем, кто нас поддерживает: правительству Москвы и мэру Юрию Михайловичу Лужкову, друзьям и совершенно незнакомым нам людям...

Беседу вел Лев РУДСКИЙ
Фото автора

Тверская, 13 - 200ж - 16 нояб. - с. 8